

**ПОНЯТИЕ МУЖЕЛОЖСТВА,
ЛЕСБИАНСТВА И ИНЫХ
ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО
ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ
И НАУЧНОЕ ТОЛКОВАНИЕ**

В статье рассматриваются предусмотренные уголовным законодательством разновидности насильственных действий сексуального характера. Анализируются опубликованная судебная практика и доктринальные мнения ученых в области уголовно-правовой науки по вопросу определения объема понятий «мужеложство», «лесбиянство» и «иные действия сексуального характера».

Ключевые слова: сексуальные преступления, насильственные действия сексуального характера, мужеложство, лесбиянство, иные действия сексуального характера.

**THE CONCEPT OF SODOMY,
LESBIANISM AND OTHER ACTIONS
OF A SEXUAL NATURE
IN CRIMINAL LAW: LEGISLATIVE
REGULATION AND SCIENTIFIC
INTERPRETATION**

The article deals with the types of violent acts of a sexual nature foreseen by criminal law. The published jurisprudence and doctrinal opinions of scientists in the field of criminal law on the definition of the scope of the concepts “sodomy”, “lesbianism” and “other acts of a sexual nature” are analyzed.

Keywords: sexual crimes, violent acts of a sexual nature, sodomy, lesbianism, other acts of a sexual nature.

Современный уголовный закон указывает на три разновидности сексуальных действий, не являющихся половым сношением: мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера. Отметим терминологическую неупорядоченность УК РФ: мужеложство и лесбиянство являются медицинскими терминами, иные действия сексуального характера – уголовно-правовыми, имеющими собственное юридическое значение. Не совсем понятно, зачем законодатель указывает на мужеложство и лесбиянство, но не называет иные более распространенные сексуальные действия, например гетеросексуальные акты *per os* и *per anum*. Обратимся к анализу вышеназванных понятий УК РФ.

По мнению Г.Б. Дерягина, под мужеложством в судебной медицине понимается сношение мужчины с мужчиной, при котором половой член активного партнера вводится в заднепроходное отверстие (прямую кишку) пассивного партнера. Указанный исследователь считает, что иные формы удовлетворения двух мужчин муже-

ложством не являются [1, с. 10]. Схожие взгляды на понятие мужеложства высказывают и другие исследователи. Так, Я.И. Гилинский определяет мужеложство как сексуальный контакт через задний проход между мужчинами любого возраста [2, с. 383]. Указание законодателя на криминализацию данного сексуального взаимодействия свидетельствует на признание повышенной общественной опасности рассматриваемого насилия. Но, как нам представляется, сексуальные контакты между мужчинами этим видом сексуального контакта вовсе не ограничиваются. Можно предположить, что в данной статье УК РФ законодатель предлагает под мужеложством понимать любой гомосексуальный контакт между мужчинами.

Мужеложством, к примеру, следует признавать «введение полового члена в рот сексуального партнера (оральный коитус), имитацию анального коитуса с помощью рук или различных приспособлений, взаимную мастурбацию и др.» [3, с. 44]. Данные разновидности сексуальных контактов между мужчинами, безусловно, не являются исчерпывающим списком, возможны и иные, что закономерно ставит вопрос о моменте начала и времени окончания сексуального

¹ Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминального права АНО ВО «Российский новый университет».

© Коновалов Н.Н., 2017.

посягательства. Проведенный нами опрос работников правоохранительных органов показал, что 79% респондентов затрудняются определить момент, с которого насильственное мужеложство является окончанным преступлением. На наш взгляд, в основу такой квалификации должна быть положена субъективная направленность действий делинквента (о которой может свидетельствовать его прошлый сексуальный опыт, в том числе и преступный, характер осуществляемых сексуальных манипуляций, вербальный контакт потерпевшего и жертвы).

Лесбиянство – это разновидность гомосексуального контакта между лицами женского пола, который, как и мужеложство, проявляется в самых разнообразных формах удовлетворения половых интересов [3, с. 44; 430]. Полагаем, что лесбиянство может проявляться в форме анилингуса (раздражение языком области заднего прохода), петтинга (преднамеренное получение оргазма искусственным возбуждением эрогенных зон в условиях двустороннего контакта, исключая непосредственное соприкосновение гениталий), фроттажа (*tribadial externa* – трение половыми органами о разные части тела, в том числе о половые органы партнерши), *tribadial interna* (попытка введения клитора во влагалище), взаимной мастурбации и др.

Иные действия сексуального характера охватывают все другие насильственные формы сексуальной активности, независимо от полового признака партнеров. Характеризуя такие действия, можно отметить, что к таковым в судебной практике относятся: естественное половое сношение между мужчиной и женщиной, совершенное с применением насилия со стороны женщины, анальный сексуальный акт – в отношении женщины, оральные сексуальные акты между мужчиной и женщиной. Такими действиями также признаются различные действия, имитирующие половой акт, например междубедренный коитус (осознанное совершение полового акта без введения полового члена во влагалище), введение во влагалище инородных предметов; мастурбация виновного самого себя в присутствии жертвы; мастурбирование потерпевшим (потерпевшей) полового члена виновного.

В доктрине имеется мнение об избыточности описательных признаков, содержащихся в ст. 132 УК РФ. Так, А.В. Дыдо указывает на противоречивость включения в уголовный закон оценочного понятия «иные действия сексуального характера»; по его мнению, это противоречит ст. 14 УК РФ, которая закрепляет понятие преступления: «Преступлением признается виновно совершенное общественно-опасное деяние,

запрещенное настоящим кодексом под угрозой наказания». Иначе возникает необходимость ограничить перечень действий сексуального характера в ст. 132 УК РФ, сделав его исчерпывающим. Отсюда, как полагает данный ученый, окончательная редакция ст. 132 УК РФ, по видимому, не должна включать в себя указания на иные (прямо не указанные в законе) действия сексуального характера [4, с. 174]. Представляется невозможным согласиться с указанной точкой зрения, так как иначе действующий Уголовный закон станет излишне казуистичным и будет напоминать архаичные памятники права, так как перечислению самих сексуальных действий следует уделить несколько страниц.

В научной литературе некоторые авторы к иным действиям сексуального характера относят удовлетворение сексуальной страсти путем истязания, сечения розгами, прижигания сигаретами, укусами, другими действиями, причиняющими физическую боль [5, с. 197]. М.И. Могачев, возражая им, полагает, что, несмотря на сексуальный мотив поведения виновных лиц, в данном случае не нарушается объект преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ, – сексуальная свобода взрослых лиц, сексуальная неприкосновенность и нормальное нравственное и физическое развитие несовершеннолетних. Сексуальное возбуждение и оргазм у виновного наступает от самого процесса воздействия на тело потерпевшего без совершения обычного или нетрадиционного сексуального акта. Следовательно, содеянное следует квалифицировать по статьям, устанавливающим ответственность за причинение вреда здоровью, побои, истязание [6, с. 55].

В доктрине предлагается и ряд способов ограничительного толкования понятия «иные действия сексуального характера». Так, А.Г. Кибальник и И.Г. Соломонович выступают против такого широкого подхода к трактовке таких действий и предлагают ввести в научный оборот термин «сексуальное проникновение» (заимствуя его из европейского уголовного права), понимая под сексуальным проникновением введение как полового органа, так и иных предметов в естественные полости другого лица с целью получения сексуального удовлетворения. Они отмечают, что сексуальность как характеристика такого проникновения означает наличие у лица цели получить именно сексуальное удовлетворение [7, с. 64–65; 8, с. 78]. Указанные исследователи также предлагают дифференцировать ответственность за деяния, указанные в ст. 132 УК РФ, в зависимости от того, совершаются ли сексуальные действия с проникновением в тело потерпевшего или нет (если сексуальный акт со-

вершается с проникновением, то он обладает, по их мнению, повышенной общественной опасностью).

Однако, как представляется, многочисленные сексуальные действия могут быть не связаны с сексуальным проникновением, например насильственная мастурбация. Кроме этого в судебной практике зарегистрированы случаи (описанные в монографической литературе) совершения насильственных действий сексуального характера без участия половых органов (активная лесбиянка пыталась совершить контакт при помощи искусственного полового члена из плотного синтетического материала, путем введения его в полость рта потерпевшей) [9, с. 49]. Необходимо также учесть, что сексуальное посягательство может состоять во введении предмета, пальцев в анальное отверстие потерпевшего (потерпевшей), воздействии на другие участки тела (например, грудь женщины). Указанное позволяет сделать вывод, что к иным сексуальным действиям следует относить любые активные телодвижения насильника или потерпевшего (потерпевшей) по настоянию посягающего, совершённые помимо или против воли потерпевшего лица с целью получения сексуального удовлетворения.

Необходимо отметить, что в судебной практике встречаются диаметрально противоположные мнения по данному вопросу, и в целом отрицается наличие цели сексуального удовлетворения в качестве необходимого признака субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ. Так, К. обвинялся в нанесении гражданке В. побоев (ч. 1 ст. 116 УК РФ) и в применении к той же потерпевшей насильственных действий сексуального характера (п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ), выразившихся в том, что К. с силой не менее двух раз ввел во влагалище В. пустую стеклянную бутылку, что повлекло за собой причинение последней легкого вреда здоровью. Однако приговором Правобережного районного суда города Магнитогорска от 4 июня 2012 года действия К. были переквалифицированы с п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ на ч. 1 ст. 115 УК РФ – умышленное причинение легкого вреда здоровью. Квалификация же действий К. по ч. 1 ст. 116 УК РФ была признана излишней, со ссылкой на то, что побои охватываются ч. 1 ст. 115 УК РФ. Свое решение о переквалификации действий К. суд первой инстанции обосновал тем, что органы предварительного следствия не представили доказательств, свидетельствующих о наличии у К. цели удовлетворения своей половой потребности. Соглашаясь с кассационным представлением, суд второй инстанции отменил приговор и направил дело на новое судебное разбиратель-

ство, указав в кассационном определении на то, что, по смыслу закона, мотивом совершения преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ, может быть не только стремление виновного лица к удовлетворению своей половой потребности, но и другие низменные побуждения – мсть, желание опозорить женщину и т.п. [10].

Однако в приведенном выше примере имеет место сексуальное проникновение (введение предмета во влагалище женщины), т.е., на наш взгляд, налицо сексуальная цель данного преступления, так как полагаем, что воздействие на половые органы потерпевшего указывает на наличие такой цели, конечно, если нет свидетельств обратного (например, свидетельских показаний других соучастников). Вопрос, конечно, остается открытым, хотя справедливости ради стоит указать на то, что конструкция данного состава преступления действительно не предусматривает анализируемого факультативного признака субъективной стороны, но не учитывать его также не представляется возможным ввиду наличия сложностей в определении сексуального характера тех или иных действий.

Так, К. и В., находясь в состоянии алкогольного опьянения, на почве внезапно возникшей личной неприязни в отношении их знакомого А., связали руки и ноги последнего, после чего нанесли ему удары руками и ногами в области головы, туловища, верхних и нижних конечностей, причинив тем самым тяжкий вред здоровью, после чего от нанесенных повреждений у А. наступила смерть. В процессе применения насилия К. и В. с целью унижения ввели в задний проход А. корнеплод моркови, причинив А. физическую боль и проникающую травму живота и малого таза, которые по признаку опасности для жизни относятся к повреждениям, причинившим тяжкий вред здоровью. Уголовно-правовая оценка деяний К. и А. выглядела следующим образом: по факту причинения вреда здоровью была вменена ч. 4 ст. 111 УК РФ, а по факту введения в задний проход корнеплода моркови вменен п. «а» ч. 2 ст. 132 УК (по признаку группой лиц). Такая квалификация нам видится ошибочной.

Похожий случай анализирует П.С. Яни, но квалификация происходит уже иначе [11, с. 27]. Районным судом установлено, что К. и П. в бытовой комнате школы-интерната сняли с несовершеннолетнего потерпевшего одежду и ввели в его анальное отверстие зубную щетку, причинив физическую боль. Указанные действия квалифицированы по ст. 132 УК как групповое насильственное действие сексуального характера в отношении заведомо несовершеннолетнего лица. Однако суд кассационной инстанции, сослав-

шись на понимание Пленумом Верховного суда действий сексуального характера как действий, направленных на удовлетворение половой потребности, указал: данных о том, что К. и П. совершением указанных действий удовлетворяли свою половую потребность, в материалах дела нет. Объективно их действия характеризуются нарушением порядка в общественном месте, каким является школа-интернат, пренебрежением к нормам морали и нравственности, принятым в обществе, что выразилось в издевательствах над потерпевшим. При таких данных в кассационном порядке приговор изменен, действия осужденных переквалифицированы на ч. 2 ст. 213 УК [12].

Указанный пример наглядно демонстрирует ошибочность концепции непризнания цели преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ, необходимым признаком субъективной стороны преступления. Полагаем, что если субъект получает сексуальное удовлетворение от совершаемых действий, то налицо насильственные действия сексуального характера, и, следовательно, определяющим в признании тех или иных действий сексуальными должен быть учет цели виновного и в ряде случаев осознание этой цели потерпевшим лицом. О наличии такой цели могут свидетельствовать: воздействие на половые органы потерпевшего, факт сексуального проникновения в тело, субъективное осознание потерпевшим лицом совершаемых в отношении его действий как сексуальных. В случае совершения таких действий помимо воли потерпевшего (потерпевшей), основанием квалификации должна считаться субъективная деятельность посягающего. Такое понимание иных действий сексуального характера поднимает вопрос о логичности конструкций рассматриваемых норм, предусмотренных ст.ст. 132 и 131 УК РФ, что отмечают также ряд иных исследователей [13, с. 37; 14, с. 78].

Проведенные исследования более 800 случаев изнасилования указывают на то, что в 61% случаях изнасилования являются сопряженными с иными сексуальными проникновениями или иными действиями сексуального характера. Необходимо также учитывать, что совершение изнасилования без совершения иных действий сексуального характера зачастую бывает невозможно из-за активного сопротивления потерпевшей и наличия достаточно некомфортной обстановки, влияющей на процесс сексуального возбуждения субъекта преступления (зачастую субъект преступления прибегает к различным способам сексуальной стимуляции с участием потерпевшего лица, например в результате проведенного исследования было установлено, что в более чем 43% случаев виновный для указанной

цели совершает в отношении потерпевшей акты *per os*).

Приведенный выше анализ законодательной практики, мнений ученых, наши собственные исследования позволяют сделать вывод о том, что существующее разделение составов ст.ст. 132 и 131 УК РФ неоправданно, т.к. приводит к многочисленным противоречиям и трудностям на практике, поэтому представляется необходимым сформулировать определение насильственных сексуальных преступлений следующим образом: «Действия сексуального характера, ...», не указывая при этом на пол потерпевшего лица и вид насильственного сексуального воздействия.

Литература

1. Дерягин Г.Б. Половые преступления. – Архангельск, 1996.
2. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб., 2004.
3. Сексопатология: справочник / под ред. Г.С. Васильченко. – М., 1990.
4. Дыдо А.В. Изнасилование: проблемы уголовно-правовой квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2006.
5. Могачев М.И. Серийные изнасилования. – М., 2003.
6. Цэнгел С.Д. Квалификация насильственных действий сексуального характера: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004.
7. Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Насильственные действия сексуального характера // Российская юстиция. – 2001. – № 8.
8. Коновалов Н.Н. Потерпевшая от изнасилования: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2002.
9. Конева М.А. Насильственные действия сексуального характера при гомосексуальных контактах. – Ставрополь, 2000.
10. Обзор судебной практики Челябинского областного суда за третий квартал 2012 года. Кассационное определение № 22-6982/2012 // СПС КонсультантПлюс.
11. Яни П.С. Вопросы квалификации половых преступлений // Законность. – 2013. – № 5.
12. Обзор Красноярского краевого суда от 12 июля 2005 г. за первое полугодие 2005 г. // Буква закона. – 2005. – № 37.
13. Головлев Ю.В. Уголовная ответственность за изнасилование: проблемы квалификации и применения // Закон и право. – 2004. – № 10.
14. Цэнгел С.Д. Квалификация насильственных действий сексуального характера: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004.